E 81/184

Е 81
184

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА,

СКАЗАННОЕ ВЪ ИСААКІЕВСКОМЪ СОБОРѢ

19 февраля 1868 г.

ИНСПЕКТОРОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

Архимандритомъ Хрисанѳомъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Печатано въ типографіи Департамента Удѣловъ, Литейный проспектъ № 39.
1868

Е 81
184

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА,

СКАЗАННОЕ ВЪ ИСААКІЕВСКОМЪ СОБОРѢ

19 февраля 1868 г.

ИНСПЕКТОРОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

Архимандритомъ Хрисанѳомъ.

БИБЛІОТЕКА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Печатано въ типографіи Департамента Удѣловъ, Литейный проспектъ № 39.

1868

Печатать дозволяется Спб. 1868 года Цензоръ
Архимандритъ Фотій.

2007050067

СЛОВО

НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

Благословенъ день, ознаменованный вступленіемъ на царство Благочестивѣйшаго, Великаго Государя нашего! День этотъ открылъ собою начало новой, лучшей жизни для нашего отечества. Это знаетъ не Россія только, это признаетъ весь міръ. Это еще рѣшительнѣе скажетъ исторія.

Намъ—свидѣтелямъ и участникамъ начавшагося обновленія въ жизни нашего отечества—выпалъ счастливый и вмѣстѣ трудный жребій... Обновленіе это совершается среди насъ и въ насъ. А оно не обходится безъ борьбы, оно требуетъ нравственныхъ усилій, внутренняго, нравственнаго перерожденія. Безъ этого обновленія въ духѣ и сердцѣ новые законы, новыя постановленія остались бы мертвымъ словомъ, не проникли бы въ жизнь.

Что же? — На сколько въ дѣйствительности осуществили мы на себѣ новыя начала жизни, на сколько онѣ сознаны и усвоены нами? На сколько мы стали сознательнѣе, искреннѣе, дѣятельнѣе по отношенію къ общей жизни нашего отечества?

Начнемъ съ того, что составляетъ основу общественной жизни,—съ жизни Вѣры и Церкви.

Наша страна, быть можетъ, единственная изъ христіанскихъ странъ, которая не испытала внутренней религіозной вражды и разлада, въ которой отъ начала жили въ мирѣ религія и гражданственность, Церковь и государство. И нѣтъ сомнѣнія, что этимъ обязаны мы всего болѣе чистому, свѣтлому, мирному, какъ Сама Божественная Истина, характеру нашего православія. Да! Наша святая Вѣра никогда не давала меча въ руки, не знала того, что называется фанатизмомъ, не возбуждала гражданскихъ нестроеній, всегда способствовала развитію гражданской добродѣтели. Что же—оцѣнена ли она по достоинству въ своей странѣ, сознано ли драгоцѣнное достояніе, которымъ владѣемъ мы, глубоко ли усвоено оно народною жизнію?

Благодареніе Провидѣнію,—чувство вѣры живо и сильно въ нашемъ народѣ: имъ жилъ онъ и до нынѣ живетъ по преимуществу,—въ этомъ залогъ его будущаго нравственнаго развитія,—холодность и бездушіе массъ въ дѣлѣ вѣры—у насъ явленіе неизвѣстное. Но народъ нашъ все еще младенецъ въ вѣрѣ. Оттого—при умственной скудости—самая ревность по вѣрѣ увлекаетъ его къ суевѣрію, заставляетъ влаяться всякимъ вѣтромъ ученій часто грубыхъ, чудовищныхъ. Расколъ, сектанство—язва на тѣлѣ нашей Церкви. Въ продолженіе не одного столѣтія ревность не по разуму гонитъ нашихъ мнимыхъ ревнителей благочестія отъ лица Церкви и самаго общества въ лѣса и дебри, на окраины отечества и въ предѣлы чуждыхъ странъ...

Въ другой половинѣ общества, стоящей надъ народомъ, замѣчалось совершенно противоположное явленіе. Здѣсь до самаго послѣдняго времени была холодность къ вѣрѣ отцовъ. Здѣсь, если и проявлялась ревность къ вѣрѣ, то не къ отеческой вѣрѣ. Изъ этой среды исходили ревнители и ревнительницы чуждыхъ намъ церквей. Здѣсь все ограничивалось чувствомъ приличія, требованіями формальности. Цѣлый вѣкъ подобнаго отчужденія отъ вѣры отцовъ-по-

родилъ какія-то странныя, неестественно холодныя отношенія къ отечественной Церкви... Ея не отрицали, но и не знали. Для многихъ и многихъ это была какая-то особая, невѣдомая область, существующая только для тѣхъ, кто дѣйствуетъ въ средѣ ея и почти не имѣющая непосредственной связи съ жизнію общества. Какъ будто вѣра существуетъ только для ея ближайшихъ служителей, какъ будто она-не жизненная сила, обнимающая собою всѣхъ и все! Да! Не знали и не хотѣли знать того, что составляло первую историческую силу въ жизни народа и государства!..

Это отчужденіе и раздѣленіе было такъ сильно, что переносилось даже на религіозно нравственныя обязанности. Установился странный взглядъ, что эти обязанности касаются лишь тѣхъ, кто о нихъ проповѣдуетъ. Имъ и нужно соблюдать уставы Церкви, для всѣхъ другихъ какъ будто мало обязательные. Уклоненіе отъ нихъ, мнимое или дѣйствительное, въ служителяхъ Церкви осуждалось обыкновенно очень строго, съ чувствомъ видимаго негодованія; но осуждающіе самихъ себя ни къ чему не обязывали....

Гдѣ причины такихъ раздѣленій,—кто виноватъ въ нихъ? Пастыри ли, не имѣвшіе силы вліять на общество и оставившіе народъ въ невѣжествѣ, или самъ этотъ народъ, само это общество? Да! На пастыряхъ лежитъ этотъ долгъ по преимуществу, но въ то же время, въ извѣстной мѣрѣ, онъ есть долгъ и всѣхъ и каждаго, и отъ лица пастырей мы могли бы сказать многое и многое въ ихъ оправданіе и въ укоризну самому обществу. Но не съ церковной каѳедры говорить подобныя укоризны,—не въ храмѣ Божіемъ вести *стязанія*. Гдѣ бы ни были причины такихъ раздѣленій, нашъ общій долгъ—позаботиться, чтобъ онѣ исчезли. То самое, что у насъ еще возможны подобные взаимные укоры, показываетъ, что мы все еще далеки отъ искренняго, сердечнаго отношенія къ дѣлу вѣры... До тѣхъ поръ, пока будутъ продолжаться подобные укоры, въ насъ не исчезнетъ и самый духъ раздѣленія и разлада, за который мы осуждаемъ себя взаимно...

Что же—проходитъ ли эта холодность къ вѣрѣ отцевъ и этотъ духъ раздѣленія? Было бы несправедливостію отвѣчать отрицательно. Прежній взглядъ уступаетъ мѣсто новому. Есть слѣды болѣе сочувственныхъ, болѣе искреннихъ отношеній къ дѣлу народной вѣры въ нашемъ обществѣ. Учредилось не одно братство съ цѣлію содѣйствовать распространенію и утвержденію отеческой вѣры.

Все это добрыя начинанія, но только начинанія, успѣхъ которыхъ въ будущемъ... Пожелаемъ, чтобъ эта ревность къ вѣрѣ не была только временнымъ увлеченіемъ, только искусственнымъ одушевленіемъ, только проявленіемъ мимолетнаго, не глубокаго чувства, какъ это часто бываетъ съ нами въ нашей общественной дѣятельности. Пожелаемъ, чтобы эти братства были, дѣйствительно, братствами, чтобы они одушевлены были, всецѣло и безраздѣльно, духомъ любви къ дѣлу вѣры и спасенія ближняго, чтобы и въ нихъ не проникъ тотъ духъ раздѣленія и разлада между пасомыми и пастырями, который доселѣ былъ нашимъ общественнымъ недугомъ...

А намъ нужны дѣятели, полные самоотверженной любви... Жатва у насъ многа, но дѣлателей мало. На западѣ у насъ идетъ далеко не конченная борьба за возстановленіе православія въ родной намъ землѣ, борьба съ Церковію, искони сильною и средствами и энергіею, на нашемъ дальнемъ востокѣ цѣлые милліоны давно ждутъ отъ насъ благовѣстія Христовой вѣры. Вновь покоренныя страны въ глубинѣ Азіи ждутъ того же, и здѣсь намъ предстоитъ борьба съ мусульманскимъ фанатизмомъ... Провидѣніе призываетъ насъ пронести свѣтильникъ вѣры къ этимъ людямъ, сѣдящимъ во тьмѣ, и неужели мы останемся и въ будущемъ также равнодушны къ тому, что наша великая страна исполнена мрака язычества, и также безсильны для борьбы даже съ языческимъ суевѣріемъ?...

Но не одна только религіозная жизнь страдала у насъ недугомъ холодности и равнодушія. Духъ нравственной косности проникалъ и нашу гражданскую жизнь. Но вотъ—

съ высоты престола снизошли слово свободы и новые законы правды и милости. Первое—воззвало къ жизни спавшую мысль и чувство нашего народа, послѣдніе призываютъ его къ дѣятельности и нравственному развитію. Великое слово,—великіе законы! Этотъ судъ мира—послѣ храма—первое училище общественной нравственности. Онъ напоминаетъ намъ первыя времена Христовой Церкви, когда судъ Епископа призывалъ тяжущихся прежде всего къ миру, къ прощенію обидъ... И, если что можетъ въ законахъ общественной жизни—всего болѣе способствовать развитію чувства уваженія къ личности и правамъ ближняго, то, конечно, этотъ новый открытый судъ правды и милости...

Но законъ, какъ бы онъ ни былъ совершенъ, есть только внѣшняя сила и, самъ по себѣ, не преобразуетъ человѣка и его внутреннихъ стремленій. Законъ можетъ быть новъ, а люди—все тѣ же, что и прежде, съ тѣмъ же старымъ испорченнымъ сердцемъ, съ тѣми же самолюбивыми влеченіями, и цѣли закона могутъ не достигаться или не вполнѣ достигаться въ жизни и дѣйствительности...

Что же,—совершилось ли наше внутреннее преобразованіе при воздѣйствіи новыхъ законовъ? Громче ли говоритъ въ насъ общественная совѣсть, сильнѣе ли сочувствіе къ общему благу, умолкло ли эгоистическое чувство, больше ли одушевленія въ общественной дѣятельности, больше ли въ народѣ любви къ труду и честности, улучшилась ли его нравственность?...

Только врагъ всякаго усовершенствованія въ народной жизни можетъ утверждать совершено противное, но съ другой стороны—кто же не сознается, что и здѣсь и въ области нашей гражданской жизни у насъ только еще началась борьба нашего ветхаго человѣка съ человѣкомъ новымъ, что и здѣсь все еще въ начинаніи, что наше нравственное совершенство еще только ожидается?.. Не укоризну говоримъ мы,—нравственное перерожденіе не совершается вдругъ,—мы хотимъ сказать только, что и здѣсь

все насъ призываетъ къ дѣятельности и дѣятельности самоотверженной, что для болѣе сильныхъ мыслію и дѣломъ предстоитъ понести много немощей немощныхъ (Римл. 15, 1). Въ самомъ дѣлѣ—не великая ли задача—нравственно пересоздать жизнь многомилліоннаго народа? И нужно ли указывать ту единственную силу, которая можетъ совершить это пересозданіе, это обновленіе жизни? Нужно ли говорить, что обновленіе гражданской жизни невозможно безъ того обновленія въ духѣ и сердцѣ, о которомъ говоритъ и которое предлагаетъ намъ Евангеліе? Да! Безъ этого малоплодны, малоуспѣшны всѣ внѣшнія воздѣйствія, всѣ внѣшнія мѣры...

Но и это не все, что требуетъ обновленія и чѣмъ страдала наша общественная жизнь... Холодность и равнодушіе обнимали весь кругъ нашей общественной жизни въ ея цѣломъ; онѣ отражались даже на томъ, что называется привязанностію къ своей родной странѣ. Не оскорбимъ истины, если скажемъ, что у насъ замѣчался недостатокъ самого естественнаго чувства любви къ отечеству. Кажется, это чувство посѣщало насъ только въ годины народныхъ испытаній, во дни общественныхъ опасностей. И мыслію и жизнію мы тяготѣли къ быту и жизни другихъ народовъ. Это тяготѣніе у насъ оправдывалось даже возвышенною, по видимому, теоріею о всеобщей и общечеловѣческой истинѣ, о нравственномъ единствѣ всѣхъ народовъ, о томъ, что привязанность къ своему родному, какъ исключительность, вредитъ нравственному развитію и т. п.

Правда,—всѣ народы предназначены къ одной цѣли, къ одному нравственному совершенству, и нравственное достояніе одного народа можетъ и должно быть достояніемъ всѣхъ другихъ народовъ. Правда,—для всеобщей и вѣчной истины *нѣсть ни эллинъ, ни іудей* и жизнь народовъ должна стремиться къ тому, чтобы всѣ они нравственно объединились, составили одинъ духовный организмъ, *едино стадо*.

Но достиженіе этой цѣли,—нравственное развитіе народовъ,—совершается для каждаго изъ нихъ своеобразно, въ предѣлахъ и условіяхъ особаго каждому изъ нихъ свойственнаго быта. *Сотворившій отъ единыя крове весь языкъ человѣчь жити по всему лицу земному*, по словамъ апостола,—*уставилъ предѣлы селенія ихъ взыскати Господа, да поне осяжутъ Его и обрящутъ* (Дѣян. 17, 26—27). Провидѣніе указало каждому народу свой кругъ жизни и свою задачу, хотя съ тою же всеобщею цѣлію,—т. е. съ тѣмъ, чтобы каждый народъ, въ своей—ему назначенной, средѣ,—развивался нравственно, стремился къ вѣчнымъ цѣлямъ человѣческаго бытія, *взыскалъ Господа*.

Итакъ—отдѣльная среда народной жизни не препятствіе къ умственному и нравственному развитію по идеалу общечеловѣческой жизни,—природа и назначеніе всѣхъ народовъ одинаковы, общія и вѣчныя цѣли всѣмъ имъ равно присущи—не смотря на различные предѣлы селеній,—Господь *не далече отъ единаго коегождо насъ суща*. Напротивъ—отрѣшеніе отъ этой народной среды, сколько не естественно, столько же и вредно для нравственнаго развитія народа. Отечество, какъ и родная семья, есть та среда, которая—первая воспитываетъ въ насъ человѣческія стремленія. Это—вмѣстѣ съ тѣмъ ближайшій предметъ нашихъ привязанностей. Человѣчество, человѣка вообще мы узнаемъ прежде всего въ лицѣ народа, которому принадлежимъ, иначе это человѣчество—для насъ пустое, отвлеченное понятіе, иначе—нѣтъ для насъ предмета привязанности среди этого человѣчества. Только мечтательная философія можетъ проповѣдывать отрѣшеніе человѣка отъ народной среды во имя любви къ цѣлому человѣчеству, которое мы знаемъ только въ идеѣ, въ понятіи, которое не можетъ быть предметомъ дѣятельной, живой привязанности. Да! Не любя родной страны—любить всѣ народы—значитъ никого не любить или любить всѣхъ только въ созерцаніи,—въ мысли—бездѣятельно...

Не таково жизненное ученіе Евангелія. Оно призы-

ваетъ всѣ народы къ нравственному объединенію, но не уничтожаетъ нашей естественной привязанности къ нашимъ присным. Любовь христіанская обнимаетъ собою всѣхъ, но, не смотря на свою всеобъемлемость, не обращается въ то бездушное, безжизненное чувство, которое извѣстно подъ именемъ космополитизма, въ которомъ исчезаетъ всякая живая привязанность. Спаситель говорилъ, что Его родственникъ тотъ, кто слушаетъ слово Его, но Онъ же проповѣдалъ слово Свое прежде всего дому Израилеву.

И какъ иначе? Отрѣшиться отъ ближайшаго предмета любви не значитъ ли вовсе не имѣть предмета для своей привязанности? И можно ли повѣрить, что космополитъ, проповѣдующій любовь ко всѣмъ народамъ, не любя того народа, которому принадлежитъ,—дѣйствительно любитъ то, что называетъ онъ человѣчествомъ? Отсутствіе любви къ своему родному не есть ли признакъ бездушія, отсутствія всякой любви? И не это ли наше бездушіе и наша бездѣятельность прикрывались доселѣ, повидимому, высокою мыслію—о единствѣ народовъ, о любви къ человѣчеству?...

Да! всѣ народы должны стремиться къ одной цѣли, но своеобразно;—и тотъ народъ, который не отличается чувствомъ любви къ отечеству, мало принесетъ съ собою и въ общее достояніе народовъ,—онъ равнодушенъ къ задачѣ своей жизни и исторіи, къ цѣли, указанной ему Провидѣніемъ... Любовь къ человѣчеству шире любви къ отечеству, но недостатокъ любви къ своей странѣ есть вѣрный признакъ отсутствія всякой любви, вѣрный признакъ бездушія и нравственнаго безсилія.

Но, скажутъ, можетъ быть, не напрасно ли говорить объ этомъ нынѣ въ виду усиленія нашего народнаго чувства, въ виду всеобщихъ проявленій любви къ родной странѣ?—Не напрасно ли? Но что, если и это чувство—въ насъ только мимолетное, не глубокое, что—если и это патріотическое одушевленіе наше—только искуственное?...

О! да не будетъ! Да будетъ отнынѣ конецъ всему, что говорило о нашей нравственной апатіи и косности;—да развивается наша страна на пользу свою и всѣхъ народовъ міра, да износитъ она къ нимъ свое слово вѣры, науки и жизни въ общее достояніе всего міра и исторіи всего человѣчества...

Заключимъ свое слово наставленіемъ апостола: *прочее же, братіе, совершайтеся, тожде мудрствуйте, миръ имѣйте, и Богъ любве и мира будетъ съ вами* (2 Кор. 13, 11).